

Дмитрий Горин

Люди непростой судьбы

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Дмитрий Горин

Люди непростой судьбы

«Автор»

2026

Горин Д.

Люди непростой судьбы / Д. Горин — «Автор», 2026

Семнадцатилетний романтик из маленького военного городка едет в Город, чтобы стать врачом. Вместо романтики — съёмные комнаты, вечные отработки и запах формалина. Любовь, отчисление, казино, работа санитаром, реанимация, где каждый день — битва за чужую жизнь. Честная, ироничная и жестокая исповедь о взрослении, ошибках и людях, которые выбрали непростую жизнь. Без прикрас, но с юмором и болью. Для тех, кто учился в 2000-е и знает, что такое медицина.

Содержание

Введение	5
Часть I. Дивный новый мир	7
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Дмитрий Горин

Люди непростой судьбы

Введение

Здравствуй, уважаемый читатель! Та часть, которая называется «Введением», написана мной в последнюю очередь, уже после написания книги. Так получилось не от лени и не от желания что-то скрыть. Просто я долго не знал, как правильно впустить тебя в этот мир. С какого порога начать разговор, чтобы не спугнуть и не наврать с первого шага. Когда-то давно, ещё в доковидные времена, когда никто из нас не знал, что такое масочный режим и социальная дистанция, я решил написать произведение. Не похожее на те, что читал сам. А читал я много — с детства, с тех самых пор, как научился складывать буквы в слова. Книги были моей отдушиной, побегом, а иногда — единственным честным собеседником в комнате, где никто не понимал, о чём я на самом деле молчу.

Я перечитал горы биографий великих врачей и учёных. Там всё всегда красиво: родился, учился, стажировался у знаменитого профессора N, потом работал под руководством не менее знаменитого X и вот он, триумф: пенициллин, эфирный наркоз, первая успешная операция на открытом сердце. Чинно, благородно, с портретами и перечнем наград. Читаешь и кажется, что эти люди никогда не просыпались с похмелья, не теряли зачётку перед сессией, не ввали матери по телефону, что «всё отлично, мам, учусь хорошо», когда внутри полная пустота и страх отчисления.

Я не великий врач. И не великий учёный. Возможно, никогда им не стану. Но меня всегда волновало не то, что на виду, а то, что между строк биографии. Как именно вчерашний школьник, который ещё вчера боялся признаться девушке в любви и прятал от родителей двойку по химии, превращается в человека, способного зашить чужую рану, принять роды, сказать родственникам «мы сделали всё, что могли» — и не развалиться на части после этих слов? Где находится та самая точка невозврата? И что происходит с душой в процессе этой метаморфозы?

Эту книгу я писал не для того, чтобы похвастаться. И не для того, чтобы пожаловаться на трудную судьбу. Судьба у меня, в общем-то, обычная — таких историй тысячи, если не миллионы. Просто мне захотелось зафиксировать тот момент, когда мальчик перестаёт быть мальчиком. Когда мечта, которой ты жил с седьмого класса, начинает трещать по швам, но ты всё равно держишься за неё — потому что ничего другого не умеешь и не хочешь.

В процессе воспоминаний я снимал с себя шелуху памяти. Слои за слоем. Это было больно, смешно, стыдно, а иногда неожиданно радостно. Некоторые вещи я не могу рассказать до сих пор. Некоторых людей не имею права называть. Кое-что пришлось изменить, чтобы не навредить. Но почти всё, что ты здесь прочтёшь, — правда. Не вся, конечно. Память штука хитрая, она всегда чуть-чуть приукрашивает или, наоборот, вытрапливает самое острое. Но я старался быть честным. Настолько, насколько это вообще возможно, когда пишешь о себе.

Кому эта книга может быть интересна? Тем, кто сейчас сидит над учебниками в общаге медицинского университета и не понимает, зачем ему вся эта анатомия с гистологией. Тем, кто боится первого вызова на «скорой». Тем, кто когда-то был отчислен — или думал, что его отчислят. Тем, кто любил не того человека, потерял его, а потом понял, что это к лучшему. И просто тем, кто любит читать честные тексты под шум дождя в вагоне поезда или дома на диване за кружкой чая.

Я не даю рецептов счастья. Не учу «как стать успешным врачом за пять шагов». У меня их и самого не было. Я просто рассказываю историю. Ты можешь верить мне. Можешь не верить. Можешь закрыть книгу на десятой странице — я не обижусь.

Но если останешься — обещаю: иногда будет смешно, иногда невыносимо грустно, а иногда ты вдруг узнаешь в моём прошлом себя. И это, пожалуй, главное, ради чего всё затевалось. Итак, поехали. Поезд отходит.

Часть I. Дивный новый мир

Глава 1

Люди думают, что будут счастливы, если переедут в другое место, а потом понимают: куда бы ты ни поехал, ты берёшь с собой себя.

Нил Гейман.

Поезд отстукивал последние километры перед чем-то загадочно манящим и светлым. Хотелось сразу всего и много. Хотя конечно сложно сказать, чего, когда ты особо ничего не ожидаешь. В голове лениво сменялись мысли. Я вспоминал о встрече с Ольгой на вокзале Симферополя, что она очень похорошела за лето, а ты болван, даже не замечал этого в школе. Теперь-то она точно там, в Североморске не потеряется. Вот с Ирой непонятно что и как будет, хотя вроде бы тут-то должно быть все по-новому. Ссоримся часто, вот это грустно, но все понятно из-за чего — редко видимся, а сейчас, тут глядишь вскорее, будем снимать совместное жилье, и все пойдет, как положено. А учеба сама образуется как-нибудь Смог же, в конце концов, я сам поступить сюда? Жаль, что только вот компьютер остался дома. Только прикупили агрегат, и столько игр классных вышло, и на тебе. Теперь кто его знает, когда удастся поиграть. Такими простыми мыслями была занята моя голова. Никто не знал, что это прощание с детством: с милым Североморском, домом, где я вырос, запахом маминой выпечки, ощущением проглаженной, порошковой чистоты и того самого тонкого «какдолжнобыть». Тут поезд подкатил к какому-то одноэтажному длинному сараю с разбитым перроном. Площадь возле него была усеяна лужами размером с небольшое море. Шел дождь, небо было затянуто серыми облаками, и невыразимая вселенская тоска раскинулась над Городом. Площадь перед вокзалом украшали высокие зеленые деревья, и вокруг, стояли ржавого цвета девятиэтажки, похожие на старые корабли, которые давно списали за ненадобностью. Впереди нас с мамой ожидали незнакомые люди, которые «любезно согласились нас приютить и разрешить оставить вещи» Мама почему-то считала видимо это верхом гостеприимства, потом я, конечно, понял, что значит фраза «наглость — второе счастье». Но тогда, почему-то хотелось верить в свою звезду, свое предназначение, в любовь, которая непременно первая и настоящая и ведет к счастливой семье, в то, что ты в свои семнадцать лет уж точно знаешь, как и что нужно делать, чтобы схватить удачу за ее сладкое место!

Мы шли под сильным промозглым ливнем, пытаюсь найти «где эта улица, где этот дом». Окружающий народ был какой-то грязный, озлобленный Мне стало казаться, будто мы перенеслись в параллельный мир, некое подземелье, где не бывает солнца, народ в основном представлен орками и троллями, которые и выстроили этот безобразный вокзал. Вообще, первое впечатление о городе сложилось не самое прекрасное. И, надо сказать со временем, оно почти не поменялось. Добравшись, наконец, пешком до «гостеприимных незнакомых» мы стали располагаться. Это была 3-х комнатная квартира на 8 этаже. В ней жило трое — парень, инвалид, его рано постаревшая и ссутулившаяся мать и отец, который в моей памяти остался лишь «пятном в тельняшке», а поэтому на его реалистичности я не настаиваю. Лишь только стены ВУЗа, сотни мест работы с больными людьми и не совсем дообследованными «здоровыми» смогли выбить из меня робость перед новыми лицами и страх заводить знакомства. Вечные фразы мамы, что я «очень коммуникабельный мальчик», наводили меня на идеи о раздвоении личности, потому что больше всего я любил быть один. Поэтому, когда формальности и взаимные расшаркивания остались позади, я с удовольствием остался в нашей комнатухе и уставился в окно. Пейзаж был еще тот — справа от сарай-вокзала раскинулись настоящие пустоши.

Разваленные строения, какой-то монолит недостроенного здания за железной дорогой. Словно город держит последний оплот в каком-то зыбучем болте, которое постепенно завоевывает его территории по периферии, заливает сверху и пронизывает насквозь души его жителей могильной сыростью. Картину отчаянья дополнял сын хозяйки, у которого была давняя травма позвоночника, и он бесцельно перемещался по квартире на инвалидной коляске смотря пустыми глазами на меня. Вы, наверное, все бывали в «чужих» квартирах, с которых хочется скорее уйти, все в них покрыто какой-то липкой субстанцией, а псевдорадушные лица хозяев похожи на дно кастрюли с кислыми щами.

Утром мы с мамой пошли искать жилье! Вспоминая то время, хочется сказать о том, насколько сейчас стало ловко и комфортно жить. Имея в руках смартфон с доступом в интернет, ты можешь быть практически полностью адаптирован в любом городе — поесть, поспать, найти квартиру, вызвать такси да все что угодно. Но тогда у нас была лишь газета объявлений «Губерния» и городской пляж. Оказалось, что найти квартиру в Городе совсем не просто. Масса потомков и поклонников М. В. Ломоносова каждый год стекались в Город для получения знаний, документов об окончании, сертификатов специалистов и дипломов установленного образца. Все они хотели комфортно жить, желательно в квартире, желательно в недорогой и желательно недалеко от AlmaMater. Итого — выбор пал только на два варианта. На первом нас ждала женщина, которой далеко «за». Квартира «хрущовка» с проходными комнатами. Финансовое положение на то время не позволяло снимать квартиру, поэтому критерии поиска сузились еще больше. Хозяйка жилища нас встретила с некоторым подозрением, пригласила зайти и осмотреться. Квартирка была сносная. Вся заставленная старыми комодами, статуэтками Ахматовой смотрящих на бюст Сталина, каких-то бронзовых подстаканников, фигурок зубров и потрясающе уродливых поморских рыбаков, вырезанных из кости невиданных зверей. Нас все устраивало. Даже запах старого нафталина, охранявший сохранность мехов в кладовке, не испугал меня перед обладанием собственных, пусть и съёмных, квадратных метров. И когда, казалось все так славно сложилось, хозяйка квартиры-музея, взглянув на меня и прикинув мой возраст, смутилась, как 16-летняя курсистка. Оказалось, что жить все-таки мне с ней не светит. По ее мнению, я непременно буду подглядывать за ней в момент ее переодеваний, чем конечно могу крайне ее стеснить. Причину, столь резкого изменения ее настроения мы с мамой так и не поняли. Но рады были, что человек заявил о своих странностях на первом этапе знакомства. Выбирать больше было не из чего. Комната на улице революционерки Розы Люксембург встретила нас состоянием перманентного ремонта. Моя комната была меблирована двустворчатым шкафом, столом-книжкой, кроватью типа тахта. В углу стояла раковина, которая должна была уехать на ПМЖ в ванную комнату, но на деле прожила со мною до конца моего проживания в этой квартире и использовалась мною для усиления звука транзисторного миниприемника «Phillips». Иных средств коммуникации в квартире не было. Хозяйкой была разведенная женщина лет 40—50, которой на память от мужа осталась 10 дочей и психическая травма, усугубленная работой медсестрой в Жаровихинском психоневрологическом интернате.

Мы сидели с мамой на песчаном пляже, смотрели на широкую Двину и ели беляши, запивая их кефиром. Мое проживание было определено, учеба должна была начаться со дня на день. Мы сидели и молчали. Мама смотрела на меня грустными глазами. Начиналась моя взрослая жизнь.

Глава 2

«Сегодня будильник я не завел. Надеюсь, на милость Господа пусть он решит, пойду на первую пару или нет».

из просторов интернета

Что такое учёба в медицинском университете? Романтика белого халата, блестящий секционный зал морга с запахом формалина. Это всё не так на самом деле. Или у меня всё было иначе. Потому что вместо романтики было выживание.

Потратив деньги, которые мама выдала мне на месяц, в первые пять дней, я закономерно вступил в режим выживания. Оказалось, что к самому примитивному планированию я не способен. Пришлось опять просить у мамы. На то время пластиковые карточки, как и банкоматы, только зарождались в нашем обществе. Средством перевода денег в моём случае была сберкнижка. При заселении на квартиру приятным бонусом стало то, что отделение Сбербанка находилось в соседнем дворе. Однако в первую же неделю они переехали в другой район города.

Надо признаться, уроки первого месяца пошли мне впрок. Я стал внимательнее выбирать продукты, обращать внимание на магазины, где закупался. Старался ходить пешком, курил более бюджетные сигареты. Смущало только одно: большинство моих друзей так не экономили — им высылали на порядок больше средств, да и жили они в съёмных квартирах, а не комнатах. Взрослая жизнь пока больше огорчала, ежедневно преподнося новые испытания.

Учёба не особо нравилась. Программа первого курса медицинского университета напоминает возведение фундамента, но с тем отличием от реальной стройки, что архитектор и главный прораб плохо представляют, как будет выглядеть здание в итоге. Картину дополняли нудные, бубнящие под нос преподаватели в мрачных аудиториях, завешанных посеребрившими от времени плакатами. Затасканные, уставшие от многочисленной зубрёжки и сессий учебники больше походили на манускрипты с печатями: «Министерство образования СССР. АГМА. Город».

С Ирой отношения портились по нарастающей. Мы начали встречаться ещё в школе. И так получилось, что в тот момент я стоял перед выбором: большой Санкт-Петербург или неизвестный мне Город, в который поступала моя девушка и ещё один хороший друг-одноклассник. Я выбрал Город. И — Иру. Думал, так будет правильно.

Ира была моей первой настоящей любовью, человеком, с которым я как порядочный мужчина уже планировал детей и смерть от старости в один день в окружении правнуков. Наши отношения напоминали работу электрика в необесточенном щитке: порою был контакт, но чаще искрило и било током — так, что хотелось всё бросить. Как показывает время, между близкими людьми общение строится на взаимном уважении, желании дарить, а не обладать, готовности уступать, а не сражаться по поводу и без. Конечно, мы всего этого не знали.

Из-за новых условий учёбы и самостоятельной жизни, а может, по иной причине, мы стали видеться реже. Мои предложения куда-то сходить или как-то провести время вместе всё чаще получали отказ, но хотелось верить, что это временные сложности.

В один из дней мы договорились о встрече после университета. Я быстро пришёл домой, собрался и пошёл на остановку. Закавыка была в том, что у меня имелись деньги только на билет в одну сторону. Решив, что до неё доеду на троллейбусе, а обратно займу на проезд, я зашагал к остановке. Но потом, как назло, закончились сигареты. И я принял решение: дойду до неё пешком. Купив пачку противного «Союз-Аполлон», выдвинулся в путь.

Шёл довольно бодро, пока не пошёл дождь. Северный холодный дождь с промозглым ветром. Я стал замерзать и порою переходил на лёгкий бег, чтобы согреться и ускорить свой путь. Наконец, грязный и промокший, я явился к своей возлюбленной. Ира встретила меня с недовольным лицом — по поводу моей задержки. Но предложила пройти.

— Ты раздевайся, но ненадолго. Мы с Наташей уходим через полчаса.

— Как это? Ты же сказала, что она уйдёт, а мы проведём вечер вместе!

— Ну вот планы поменялись. Так что так. Да и ты говорил, что будешь через двадцать минут, а пришёл через час. Мог бы позвонить, сказать, что задерживаешься.

— Офигеть, конечно. Я не могу позвонить, у меня минус на балансе. Слушай, а может, ты меня покормишь? — я учуял запах жареных котлет и ещё чего-то невероятно вкусного.

— Ой, ты знаешь, я не готовила. Это Наташина еда. Не буду же я у неё воровать.

— Хорошо. А есть восемь рублей на проезд?

— Да, держи. — мне в ладонь вытряхнули мелочь.

— А сигареты есть у вас? — от «Союза» уже крутило живот.

— Я посмотрю. У меня нет. Вот Наташины возьми, там как раз последняя, тонкая.

— Последнюю не беру. Пока.

Я вышел от неё в эту непогоду. Улица встретила меня насмешливо, плюясь в лицо косым дождём. Снова эта могильная сырость, которой Город встречал меня в первый день, напомнила: я всего лишь планктон в его хищной пасти. Троллейбус уже не ходил. Я побрёл домой, уже не бежал. На душе было скверно — так же, как во рту после «Союза».

Позже я понял (а может, только придумал себе оправдание), что Ира, наверное, надеялась: я не приду. Или приду и сам отстану. Ей было не нужно моё жалкое «я тебя люблю» без денег, без уверенности. Но тогда я просто тупо шёл под дождём и чувствовал, как что-то внутри меня ломается. Больше всего резали по сердцу воспоминания о первых свиданиях ещё в Североморске, о романтических прогулках вечерами в Севастополе. Самое главное — я понимал, что теряю её безвозвратно. Просто огонь у неё затух. Винить вроде не в чем, но ощущение ненужности обескураживало.

Ира, обладая яркой внешностью, пользовалась вниманием ребят третьего-четвёртого курса. Я изводил её своей ревностью, а взамен ничего предложить не мог. Узнав о каких-то слухах, я гордо решил, что простить её выше моих сил. Теперь уже не важно, правда это была или нет. Шансов на продолжение отношений не осталось.

После расставания я очень сильно переживал. Осваивать новый материал, особенно латынь и анатомию, стало гораздо сложнее. Постоянные мысли о ней крутились волчком и заводили внутреннюю пружину. Простым выходом казалось отвлечься в алкогольном тумане. И тогда я впервые осознанно купил водку не для компании, а для себя одного. Чтобы отключиться. Хотя бы на вечер.

Хорошо помню тот дождливый вечер. Я сидел в своей комнатухе. Из компании — «маленькая» бутылка водки «Поморская», упаковка хлебцев со вкусом зелени и пачка сигарет «Союз-Аполлон». Надо сказать, пить «горькую» с горя и брутально закусывать килькой из банки, периодически затягиваясь сигаретой, — это всё же удел киношных актёров. В реальности «душная» водка вызывала рвотный позыв, хлебцы прилипали к нёбу, от сигарет болела голова. Плюс в то время я переживал какое-то нереальное одиночество! Запоем слушал тогда «Дельфина», «Многоточие». Эти группы, казалось, пели о чём-то таком близком

У моих друзей-мурманчан была своя общажная жизнь, к которой я пока был непричастен. Местными друзьями из университета я тоже ещё не обзавёлся. Звонить было дорого и особо некому. Телевизор я не смотрел — я слушал соседский. Он был прислонён к розетке через стену в комнате. Самое смешное, что особый трепет вызывала реклама жвачки «Орбит». Привычная музыка и текст спонтанно формировали в голове образ дома, запах еды и ощущение уюта.

Время лечит. Спустя пару месяцев было уже не так больно. При инфаркте миокарда нарушается кровоснабжение определённого участка сердечной мышцы. Если вовремя не оказать пациенту помощь, направленную на восстановление кровотока, на этом месте, скорее всего, сформируется рубец. Сердце после этого само по себе тоже претерпевает изменения. В медицине есть даже такой термин — ремоделирование миокарда. В моём случае в рубец превратилась та часть меня, которая была связана с детской верой в любовь и преданность противоположного пола. А ремоделированию подвергся я сам.

Я стал пытаться отвлечься в суете кутежей и гулянок. Путь этот оказался весьма прост и приятен. Появилась тьма друзей, с кем можно было выпить и закусить. А случилось это так: как-то раз в коридоре общаги меня окликнул земляк из Мурманска — узнал и вспомнил по вступительным экзаменам. Сказал: «Заходи, свои». Я зашёл. И остался. Мурманчане приняли меня в свою общажную семью. Я начал дружить с ребятами, которые потом надолго остались в моей жизни. Часть из них потом куда-то пропали, но я искренне верю, что их жизнь сложилась достойно.

Общение с девушками вышло на другой уровень — когда количество превышает качество. Все попытки построить отношения заканчивались обычно на первой-второй неделе. Местные девушки после наших мурманских «зажигалок» реально казались какими-то отбитыми. Хочу обратить внимание: позже я поменял своё мнение. Просто это были домашние, правильные девочки, хорошо воспитанные, которые пришли в университет учиться. Отбитым, скорее, тогда был я.

А вот местные ребята — панки, рокеры — мне наоборот показались «своими в доску». Ходить по городу и петь между парами и лекциями «Пой, революция!», «Моя оборона» и прочее творчество Егора Летова было классно! Я всерьёз задумался о покупке «косухи» — короткой кожаной куртки с зауженной талией и молнией наискосок. Именно от этой косой «молнии», именуемой в молодёжном жаргоне «трактором», куртка и получила своё название. Она была непременным атрибутом субкультуры панков и рокеров. Я начал откладывать на неё деньги — вернее, планировал начать

Кстати, одним из таких панков был мой одноклассник Олег Селяков. Редкий разгильдяй, но парень неглупый и очень весёлый. Понятно, что с такими данными ему было недочитать до диплома. Хорошо запомнил время, когда мы с ним и с Антоном Некрасовым, тоже из моей группы, ходили на перерыве кушать в «мэрскую» столовую. Так мы обзывали общепит в Администрации Города на площади Ленина. Отпускала еду там очень колоритная повариха советского типажа, которая бедным студентам старалась положить порции побольше и щедро поливала блюда маслом! Удивлял факт: в нашей студенческой столовой перекус в виде салата, беляша и морса обходился примерно в пятьдесят рублей. А там на эту сумму мы ели первое, потрясающие блины с маслом — и ещё оставалось на чай или какао. Видимо, заработок работников Администрации был ниже стипендии студентов

Что касается кулинарии, тут, мне казалось, ситуация была более-менее стабильная. Мамины наказания — «придёшь домой — свари макароны, приготовь себе гречу, пожарь картошки» — оказались весьма кстати. Приняв за месяц правила походов в магазин и научившись готовить примитивно съедобные блюда, я мог себя обслуживать. Хотя аппетит был не очень. И логично, что я, как большинство иногородних студентов, к концу первого семестра превратился в подобие скелета.

Особым праздником считалось попасть к кому-то на день рождения и там поесть как следует. Радовал любой вариант домашней еды и быта. Иногда заботливые родители именинника давали какие-то салаты или пирожки с собой — на «докорм». Вообще, вряд ли в этом вопросе мы сильно отличались от иных студентов нашей огромной страны.

Глава 3

Как ни крути, я пытался заполнить внутреннюю пустоту хоть какими-то постоянными отношениями. На курсе со мной училась очень яркая и харизматичная девушка. Назовём её Кариной. Жила она с родителями на одной из главных улиц Города, и родители её были непростыми: папа — кем-то в администрации, мама — кем-то в министерстве, или наоборот. И вот, почему-то Карина обратила на меня внимание.

Начался милый период записок и коротких сообщений на транслите.

Об этом стоит рассказать подробнее, уважаемый читатель. В те времена мобильной связью пользовались процентов семьдесят-восемьдесят студентов. Сейчас все аппараты — копии «яблок» или самсунгов, блестящие куски пластика, в которые безотрывно смотрят от мала до велика. Из телефона добывают погоду, рецепты, способы доведения девушки до кульминации, читают Оруэлла и следят за диетами. Пластиковый кирпичик подскажет дорогу, поможет купить билет в Сыктывкар и даже перевести туда деньги.

На заре мобильной телефонии не было ничего такого. Были игры, где квадратик бегаёт по экрану и ест другие квадратики. Интернет стоил полмесячной зарплаты за пять минут в WAP-сети. Общение шло через SMS. Писать на русском было дороже — в одно сообщение помещалось меньше слов, чем на транслите. Почему — загадка до сих пор. Фраза «что мы будем делать ночью?» могла выглядеть как «что mi budem delat nochu?», а могла и как «4to mw budem delatb no4iu». Смысл порой искажался до противоположного. Скорость набора на этом тарабарском языке достигала машинистки со стажем. Клавиши были стёрты — никого не смущало. Дайте мне сейчас кнопочный телефон — через час руки всё вспомнят. На лекциях студенты умели набирать сообщения, не вынимая телефон из-под парты.

Но вернёмся к Карине. На тот момент у неё были непростые отношения с молодым человеком, и вроде бы всё шло к расставанию. Тут и появился я. А точнее — я и был всегда, но вне зоны её внимания. Как сейчас говорят, во «френдзоне». Наше общение сводилось к редким прогулкам по набережной и встречам в её подъезде. Территория ограничивалась тамбуром у входной двери панельной девятиэтажки. Я плохо понимал, встречаемся ли мы на самом деле. Совместных походов в кино не было — с моей стороны, надо признать, инициатива тоже нулевая. Я и не рассчитывал на большее, чем поцелуй у двери.

Таким общением я не дорожил. В какой-то день я просто сказал, что у меня появилась другая. Зачем — не помню. Наверное, мне казалось, что именно так и надо расставаться с девушками. Я брал отношения как одежду в магазине: «Ну раз все носят, то и я такого фасона буду носить». И хотя каждая из девушек была по-своему чудесной, я ещё в самом начале знал, что это «мой типаж». Правда, внутри оставалось пусто. Карина исчезла так же внезапно, как и появилась. Я даже не расстроился — скорее удивился собственной холодности.

Попытки заполнить пустоту не удалось. И тогда я нашёл другой способ — компьютерные клубы.

Порою, оценивая события ретроспективно, хочется воскликнуть вслед за булгаковским Воландом: «как же причудливо тасуется колода карт!». Значимыми переменами в своей жизни я обязан именно компьютерным клубам. В то время они были на каждом шагу: закрытое, плохо проветриваемое помещение, 10–15 персональных компьютеров среднего качества с «сеткой». Подростки и студенты приходили играть, общаться, лазить по интернету. Игры — топовые шутеры, аркадные стратегии, плюс всегда пара гигабайт фильмов, включая контент для 18+. Не каждый мог позволить себе домашний компьютер с хорошим интернетом — трафик был драконьим. За превышение лимита приходил кругленький счёт. Поэтому люди пользовались клубами: заплатил — и сиди сколько надо.

Нас, конечно, интересовали игры и возможность просто где-то провести время. Иногда ходили на ночь. Сейчас кажется диким — идти куда-то, чтобы ночью в компании таких же сумасшедших пялиться в монитор. Но тогда были такие времена. Об учёбе наутро, понятно, речи не шло.

Однажды я пошёл «в ночь» перед важным тестом по английскому. Утром решил сперва поспать часок дома, а потом сразу на английский — он был второй парой. Придя в свою комнату на улице Розы Люксембург, я застал дома только дочку хозяйки. Поставил чайник на газ и пошёл в комнату. Не помню, как уснул. Чайник кипел, кипел, вода выкипела, и он стал кипеть дальше — пластмассовой ручкой и свистком. В итоге расплавленный пластик залил конфорку,

перекрыв газу путь в помещение. Чайник выглядел так, словно по нему шмальнули из дробовика.

Всё это я увидел, когда меня разбудила дочка хозяйки. Девчушка кричала, что на кухне что-то дымит.

Вечером мы поговорили с хозяйкой. Тут стоит ещё указать на странности её поведения. Она периодически намекала мне на возможность снижения стоимости квартплаты в случае, если я всё же увижу в ней не хозяйку квартиры, а женщину. Но тут надо остановиться на двух моментах. Во-первых, выглядела она очень на любителя. А во-вторых, все эти предложения обычно озвучивались в состоянии изрядного её опьянения — под рюмочку настойки из морошки и орущую Верку Сердючку из магнитофона. Так что всерьёз я это не воспринимал.

После уничтожения чайника и разговора с хозяйкой я понял: надо искать новое жильё.

Так буднично начинались великие перемены в моей жизни. Буднично — но навсегда.

Глава 4

«и вот интересно, можно ехать хоть куда, на восток, на юг, на север, и все время один и тот же пейзаж, в смысле, он меняется, конечно, но остается ощущение, что он один и тот же Это не очень густо растущие березы, такие равномерно расставленные бело-черные деревья, везде. Ну, в общем, тот пейзаж, глядя на который русский человек обязан сказать Боже какая красота!»

Е. Гришковец «Как я съел собаку»

Хочется вспомнить и поделиться с уважаемым читателем одним знаковым событием для любого студента — поездкой домой.

У нас на курсе в тот год было не менее пятидесяти-шестидесяти процентов мурманчан. А это значило, что в день X на перроне стояло порядка тридцати пяти-сорока человек с одного курса. Прибавьте к этому ещё пару дюжин учащихся медицинского колледжа — и картина будет полной. Этот поезд, битком набитый будущими врачами и медсёстрами, мы между собой называли «санитарным». Весь состав объединяло общее ликование — ожидание скорой встречи с родителями, друзьями, возможность вкусно поесть, крепко поспать в своей комнате, на родной кровати. В процессе обучения и выживания в новой среде эти простые и тривиальные вещи приобретали особую ценность. В это время грустили только проводницы и несчастные случайные попутчики. Для них поездка студентов медуниверситета маршрутом «Город — Мурманск» была равнозначна дембельскому поезду, вывозу тринадцатилетних детей из пионерского лагеря, а возможно, даже бесконвойному этапированию криминальных малолетних элементов.

Поезд отправлялся примерно в 21 час. Пить вагон начинал ещё до того, как поезд форсировал городской железнодорожный мост, который мы проезжали через десять минут после отправления. Меню было не очень разнообразным и больше походило на паёк из вещмешка. До поездки домой мы чаще дотягивали последние гроши, которые тратились на алкоголь и сигареты в дорогу.

Закуска чаще всего состояла из продукции великого Андо (отца лапши быстрого приготовления Момофуку Андо, оставившего после себя «бичи», «бичпакеты», «дошки» и прочие радости — прим. автора), дешёвой варёной колбасы, батона, плавленого сыра «Янтарь» или «Дружба», пакетированного бюджетного сока со вкусом яблока, мультифрукта или томата. На старших курсах студенты становились практичнее: добавлялись рыбные консервы, порою сало, солёные огурцы и помидоры.

Алкоголь должен был быть дешёвым, забористым — и хорошо, если его удавалось проглотить и не упасть замертво. Поэтому бар «санитарного поезда» в основном наливал водку и её производные (настойки). Коньяк был дорог и не особо ценился. Слабоалкогольная про-

дукция появлялась на второй день путешествия, и её ассортимент соответствовал тому, что предлагалось в минимагазинчиках на долгих остановках.

Помню в какую-то из предновогодних поездок наша компания умудрились стащить елку из купе начальника поезда и припрятать ее на 3й полке. Пропажа обнаружилась уже после приезда. Но один из участнкиов ограбления века торжественно вручал обалдевшим встерчающим родителям 2х метровую ель.

Романтика тех поездок заключалась, конечно, не в количестве и качестве выпитого и не в ассортименте закусок. Можно было подойти к человеку, с которым ты давно не общался, сесть по-домашнему рядом и просто спросить о чём-то. Самые интересные споры и беседы разгорались в купе, где вместе сидели и отличники, и откровенные разгильдяи — с особым, «своим» взглядом на жизнь. Тут строили планы на будущее, договаривались о встречах в Мурманске, решали, как праздновать Новый год. Люди делились секретами сдачи отработок, старшие курсы обещали младшим дать шпоры на «колобки» по бэхе (коллоквиумы, они же проверочные работы по никем не любимой и сложной биохимии — прим. автора).

Каждый проживал за эти дни особенные часы. И всё это, конечно, подогревалось радостью от скорой встречи с родителями и отчим домом.

Глава 5

Я уезжаю навсегда, и вообще все всегда уезжают навсегда. Вернуться невозможно — вместо нас всегда возвращается кто-то другой

Макс Фрай. Простые волшебные вещи

Я очень хорошо помню ощущения от первого приезда домой. Родной дом, такие близкие сопки и низкое серое небо, запах города. Для Североморска это запах моря, кораблей, мазута и ещё какой-то особый запах примороженной тундры. Так пахнет клюква, слегка подёрнутая холодом, так пахнет зимний лес. Всё это впитываешь с детства и ощущаешь только на контрасте — когда теряешь.

Мои вещи лежали на своих местах. На шкафу висела гитара и выпускная ленточка. Каждая дверца шкафа открывалась как надо, половицы скрипели именно так, как должны были скрипеть. Учебники и справочники по химии и биологии стояли на полке. Я хорошо запомнил, как сел за стол, щёлкнул выключателем настольной лампы и остро ощутил: несмотря на то что с выпускного прошло всего полгода, я повзрослел на целую жизнь.

Словно я, сидя в лодке, впервые оглянулся и понял, что, оказывается, уже давно плыву по реке. Вот виден причал, домики на берегу, стоят мои родители — но я уплыл, и обратно не причалить. Ничего подобного на выпускном я не испытывал. Да и, наверное, не смог бы пережить, пока не уехал бы из города.

Здорово ходить мимо своей школы, где буквально вчера ты шёл с рюкзаком, мечтая скорее стать студентом. А вот с местными друзьями почему-то особых тёплых встреч не происходило. В первые годы моей учёбы в вузе мы виделись, где-то гуляли, общались. Но всё это происходило по инерции. Общих тем становилось всё меньше, а поддерживать общение с людьми потому что «так положено» я не привык.

Особо хочется сказать о моём друге детства — Максе Оборотове. С ним почему-то пропала связь после третьего-четвёртого курса. Но это потрясающий человек, надёжный и верный товарищ. Знаю, у него родились двойняшки. Удачи ему по жизни и мира в душе!

В итоге дома продолжалось общение с друзьями из университета. Часто приходили в гости родственники и знакомые родителей. Садились за стол, и я рассказывал о нелёгкой студенческой судьбе — словно свадебный генерал. О том, как сложно учиться и жить одному, да и в целом говорил о Городе. Всё это походило на сцену из фильма про Максима Перепелицу,

когда главный герой приезжает на побывку, а его всей деревней встречают и сажают за стол как героя.

Эх, знали бы родители, что саму учёбу я пока не понял, а по приезду надо разгрести гору проблем — и по учёбе, и в личной жизни. Но дома не хочется думать о проблемах. Комфорт и тепло медленно утекали, словно песок в часах, и наступал день отъезда. Он наступал неотвратно и тяготил, особенно в первые годы. Всё потому, что ты понимал: ехать не к той прежней жизни. И не к чему.

Глава 6

Обратно поезд отстукивает совсем иначе расстояние. Мысли в голове — только полезные и правильные. Установки — верные на всю жизнь и учёбу. Устав чёткий: бросить шляться, курить, заняться спортом и учебой, экономить деньги и помогать людям. Но по приезде в Город принципы корректировались как планы нашего правительства — и, надо сказать, менялись они в сторону не положительную.

Меня ожидали насущные вопросы переезда. Дело в том, что жить с сумасшедшей хозяйкой становилось вконец невыносимо. После того как я спалил, уснув, её чайник и вывел из строя газовую плиту, мне ласково намекнули, что я стал занимать слишком много места.

Жизнь текла. По учёбе были хвосты, но я понемногу втягивался, а моя депрессия постепенно проходила. И тут на кафедре анатомии предложили заняться научной работой. Надо было взять человеческую голову (её давала кафедра) и отпрепарировать сосудисто-нервный пучок аппарата глаза. Сложность оказалась в том, чтобы найти голову. Мне повезло: я учился в то время, когда анатомию проходили на настоящем материале. Всё просто — вот труп, вот плакаты с картинками. Но голова, как у всех млекопитающих, — орган непарный, и достать её на кафедре было сложно.

После недельных походов и просьб мне всё-таки выдали голову и выделили помещение для работы.

Это было замечательное время. Бестеневая операционная лампа, скальпель и пинцет. Внедрение в ткани, выделение анатомических образований. У меня появилось ощущение причастности к какому-то ремеслу — на грани с древними знахарями и чародеями. Несмотря на все передраги, это ощущение живёт во мне до сих пор. Любое врачевание немислимо без осознания причастности к секрету жизни, к таинству её возникновения. Не зря ведь известные учёные, громко доказывая с трибун материалистическую основу физиологии, к концу жизни, словно в насмешку, делались глубоко верующими людьми.

А что я? Я наконец понял: мы здесь для того, чтобы учиться ремеслу. И пытался учиться.

Одной из сложнейших дисциплин в анатомии до сих пор считаю остеологию — науку о костях. Кто не имеет отношения к медицине, глядя на кость, которую грызёт дворняга, скорее всего подумает: эта полукруглая часть (почему-то её называют «хрящ») нужна, чтобы коровья нога могла сгибаться. На этом знания о шаровидных суставах у большинства людей заканчиваются. На самом деле на каждой, даже небольшой кости — бесчисленное количество вырезок, бугорков, бугристостей, ямок, каналов, поверхностей. Каждая имеет своё название на латыни, и к каждой что-то прикрепляется, кроме того, они соединены между собой.

Учить всё это приходилось по анатомическому атласу. Особые счастливики обладали дома костями, честно утащенными с кафедры. Каждая такая кость была зарисована ручкой, карандашом, обведены разные элементы. У некоторых был эксклюзив — череп или кисть со стопой. Но это редкость. Чаще всего — плечевая кость, несколько позвонков, лопатки, рёбра.

Как-то раз мой товарищ сообщил, что у его знакомой есть целый мешок таких экземпляров, и она готова поделиться безвозмездно. Я забрал их и радостно зашагал вечером домой. Идти было около тридцати минут — тратить деньги на автобус казалось расточительным.

Чтобы идти было веселее, я купил себе пива. Бодро шагаю с «Балтикой-3» и сигаретой, побрякивая костями в прямом смысле этого слова. Навстречу выходит патруль, просит предъявить документы, а потом показать, что в мешке. Надо было видеть их взгляд, когда они обнаружили кучу человеческих костей, заботливо завернутых в бумагу. Пришлось долго объяснять, кто я и зачем мне такой набор.

Говоря об анатомии, нельзя не упомянуть куратора нашей группы — преподавателя и Учителя Краснову Валентину Александровну. Человек старой закалки, она в непростом послевоенном времени работала на ФАПах (фельдшерско-акушерских пунктах), рассказывала много чудесных и грустных историй, учила нас любить предмет и профессию. Мы ходили с ней в краеведческий музей. Она же предложила съездить в дом престарелых — порадовать стариков небольшим концертом. Мы согласились.

Придумать сценарий и программу она поручила нам. Собирались у нашей одноклассницы Женьки Пестеревой. Репетировали. Решили почитать немного стихов и спеть пару песен из репертуара ВИА 80-х. Репетиции проходили весело, с огоньком и горячительными напитками (куда же в искусстве без них!). Программу утвердили, тонкие моменты обсудили. В одну из ноябрьских суббот мы поехали на концерт.

Тогда по Городу ходили невероятные автобусы — древние ПАЗы, колесившие столицу Поморья уже несколько десятилетий. На улице — минус двадцать пять. Ехать примерно час, плюс волнение. Артисты согрелись как могли и прибыли на выступление уже с огоньком.

Я должен был играть на гитаре. Планировалось две песни — «Белой акации гроздь душистые» и «Полуостров Рыбачий». Я вышел на сцену, сел на стул. За спиной — Олежа Селиков, Антоха Некрасов. Рядом в линейку — девочки. Взял инструмент, коснулся струн — и всё. В прямом смысле — всё. Забыл аккорды! Словно никогда не знал. Ни одной, ни другой.

Заминка. Решили, что сначала девочки прочитают стихи, а я ориентируюсь. Я побежал в раздевалку, залез в куртку, стал искать бумажку с аккордами. Её не было.

Делать нечего. Вышел на сцену — спасёт только экспромт. Надо сказать, что наши частые посиделки привели к тому, что все наши «правильные девочки» уже после полутора сотен фронтовых граммов сносно подпевали тогдашнему репертуару «Нашего радио» и кое-чему из Егора Летова. Памятуя об этом, я запел «Город-сказку» «Смысловых галлюцинаций». Не знаю, был ли для стариков Город сказкой, но пели мы воодушевлённо и гораздо искреннее, чем про Рыбачий.

Аплодисменты и крики «Браво!» подвигли меня на ещё одну песню — «Гражданскую оборону» «На границе ключ». Олег давал такие низкие проникновенные ноты, девочки пели на бэк-вокале. Мы ни разу не репетировали эту песню, но получилось потрясающе. Старики хлопали и дважды звали на поклон!

Глава 7

Наконец-то я обзавёлся друзьями. Появился человек, с которым можно обсудить насущные проблемы, внешний вид девушки, рассказать смешную историю и услышать похожую в ответ. Мой однокурсник — Вася Коршунов. Парень из Ухты, само воплощение широкой северной души. Он снимал квартиру на Привозе, вернее даже не квартиру, а комнату — и пригласил жить вместе. Я недолго думал, вариант мне понравился.

В квартире было очень уютно. Сдавали её пожилые люди — Тамара Семёновна и Владимир Маркович. Такие милые городские старички. Помню, как пару раз Владимир Маркович варил нам вкуснейший гороховый суп с копчёностями. Ничего подобного я раньше не пробовал. Периодически в гости заходил сын хозяев, тоже Вася, — весёлый парень с псевдокриминальным прошлым.

Сам переезд не помню. Просто как-то буднично собрал сумку и попрощался с моим первым съёмным жильём. За три одиноких месяца мне там пришлось столько переосмыслить, что я покидал его с радостным ощущением свободы. Сейчас, проходя по той улице, конечно, вспоминается первый курс. Но внутри не щемит. Извините уж.

Итак, новый дом, новые знакомства. Классно было сидеть вечером с учебником гистологии, обсуждать, как устроена клетка, параллельно попивая чай из больших кружек. Вместе идти с учёбы, придумывая, что будем есть на ужин, делиться новостями. Я был лишён радости совместного быта в отличие от моих товарищей по общежитию и тогда искренне наслаждался просто тем, что я не один.

Но тихая радость длилась недолго.

Первое совместное приключение случилось через неделю после моего переезда. Сидя дома, мы отмечали какой-то мини-праздник — сложно уже сказать, какой именно. Тут возникла идея сходить в гости к нашим однокурсницам. Я этих девушек почти не знал, а Вася уже наводил с ними мосты крепкой студенческой дружбы. Надо отдать должное честности и чистоте наших отношений с девочками из моей группы. Совместные пьянки, обычно заканчивавшиеся массовыми выключениями сознания, в конечном счёте ни к чему не приводили. Мы часто ночевали вповалку на квартирах — всё в режиме «алкоголь — сон». Вася же уверял, что мы идём к дамам, которые смотрят на общение с молодыми людьми более демократично. Мне стало интересно, и мы пошли.

Жили девушки недалеко от печально известного дома по улице Космонавтов, о котором я поведаю позже. Это были две барышни — блондинка и шатенка, проживавшие в трёшке, которая вроде бы принадлежала одной из них. Придя в гости, нас провели в зал, посадили на диван, вручили по фотоальбому, налили по стакану сока с водкой. В общем, всё в рамках светского раута, почти официального приёма. Сами дамы сели по бокам, таким образом определив варианты выбора за нас.

Вечер длился недолго, пришли мы поздно. Нам гостеприимно предложили остаться на ночь. Мы с Васей, соблюдая правила приличия, отказывались ровно столько времени, чтобы принимающая сторона не подумала, будто мы на самом деле планируем уйти. Всё это всегда напоминало мне брачные танцы у птиц: ряд необходимых ритуалов, которые ты должен выполнить для достижения цели, понятной обоим. В итоге остаток вечера удался. На следующий день завтракали уже почти по-семейному. Обсуждали планы на вечер. Планы оказались интересными, и мы остались ещё на денёк — тем более что была суббота. А потом и воскресенье. А потом, видимо, к нам привыкли, и мы с Васей, как два нахальных Винни-Пуха в гостях у Кролика, совсем освоились.

На учёбу мы ходили всего один раз за неделю. Остальное время было не до неё. В гости каждый вечер приходили разные люди, преимущественно с университета, так что мы были в курсе всех учебных событий. Часто заглядывали другие девчонки — большинство со схожими взглядами на лёгкость общения с мужским полом. В этой квартирке, на прокуренной кухне, люди признавались друг другу в любви, случилась одна попытка суицида, один раз приезжала скорая по поводу отравления, дважды наведывалась милиция.

И в конце концов одной из хозяек, видимо, надоело однообразие, и она под коварным предлогом, через введение меня в алкогольное опьянение, воспользовалась моей слабостью и добрым сердцем. Самая главная моя ошибка была в том, что с ней я и уснул — чем привёл в бешенство другую хозяйку, с которой до этого общался. Расправа последовала незамедлительно. Это была женская драка, под шум которой мы с Васей, схватив пожитки и куртки, быстро ретировались.

Так закончилась наша десятидневная «коммунальная» семейная жизнь. В эту квартиру я ещё вернусь при совсем других обстоятельствах — с кучей проблем и просьбой о помощи.

Спасибо той замечательной хозяйке, которая, приютив меня, возможно, спасла мне жизнь и здоровье. Но об этом потом.

И как говорил мой любимый Булгаков: «вперёд же, за мной, читатель!»

Глава 8

Готовлюсь к зачетам. Точнее, хочу готовиться. А еще точнее, хочу начать готовиться. Готовлюсь готовиться, в общем.

Автор неизвестен.

Приближалась сессия. Надо было как-то закрывать долги. На самом деле профильные предметы я постепенно сдавал. Вообще на первом курсе есть предметы, которые кажутся совершенно бесполезными: педагогика, философия, русский язык, математика. И, на мой взгляд, они остаются лишними аж до шестого курса. По одним даётся слишком мало часов, чтобы реально заинтересовать студента, по другим — откровенно скверные преподаватели. Попробую в целом описать такие пары. Во-первых, у них странное название, за которым может прятаться всё что угодно. Что-то вроде «Основы хронологии с курсом практической бесполезности». Проходит этот цикл обычно в каморке папы Карло или в отдельно стоящем больничном флигеле, куда ты непременно должен проследовать в бахилах. Преподаватель тоже обычно колоритен. Это нечто среднее между бывшим пьющим терапевтом, выжившим из ума хирургом и почти списанным в утиль кафедральным работником. Непременно у такого динозавра должен быть багаж воспоминаний. Все эти истории примерно одного типажа: когда давным-давно, стоя один в поле, он отбивался от волков, а потом показал пример неповторимого героизма (принимал роды сразу у семерых, оперировал аппендицит у главного оленевода, одновременно сдавал, заготавливал и переливал кровь всему экипажу корабля). Варианты разные. При этом именно этот предмет преподаватель не знал, не хотел знать. Ему дали его вместе с нами — как обглоданную кость, как подачку от университета. И, несмотря на комичность этих людей, нам их было жалко. У меня имелось две проблемы — педагогика и физкультура. Если с физрой ситуация была глупая и нелепая (я в первые дни не смог найти спортзал в университете, а потом не смог найти его во второй раз, и в третий, и во все остальные), то с педагогикой возникли другие сложности. Посетив первое занятие, я не очень понимал, зачем мне знания о том, как учить детей и как преподносить им знания. Из всей программы нас могла заинтересовать только молоденькая преподавательница. Сама она недавно закончила АГТУ и устроилась в наш медицинский учить первокурсников скучному предмету. Я после первого занятия перестал посещать эту дисциплину. А получилось так: чтобы получить зачёт, надо было писать какие-то тесты, решать задачи. Моя группа всё благополучно сдала, а я стал каждый день ходить на проверочные работы. Это отнимало много времени от отработок по другим предметам и жутко нервировало именно своей бесполезностью. Вот, наконец, последняя контрольная. Я её написал и оставил зачётку, чтобы по результатам моих трудов получить заветную подпись. Сам побежал сдавать зачёт по английскому — кафедра находилась в другой части города, и мне никак не успеть туда, останься я на педагогике. День мой был шикарным: я успел на английский, сдал зачёт, и мне всего-то надо было принести завтра пачку бумаги для принтера, чтобы простили какой-то смешной прогул. Второй зачёт в кармане. Я счастливый возвращаюсь на педагогику, дабы забрать зачётку, и узнаю, что нет ни зачётки, ни преподавателя. Время — 17 часов. Зачётка нужна завтра с утра! Кое-как выпытал телефон преподавательницы. Та предложила заглянуть к ней вечером домой. Жила она недалеко от магазина «Орбита», оядом с универом но далекоовато от квартиры. В мои планы не входили путешествия и трата времени, но делать нечего. Как-то скорее интуитивно я зашёл в магазин и взял вина и шоколадку. Преподавательница была женщиной лет 25, с уставлыми глазами и странной манерой говорить — чуть нараспев, будто всё время кого-то уговаривала. Я позвонил в дверь. Мне открыли.

— Здравствуйте, я за зачёткой. Я звонил Вам, мне бы вот зачётку.

— Здравствуйте, Дмитрий. Проходите, разувайтесь, проходите на кухню.

— Ой нет, я только забрать зачётку, у меня зачёт завтра — тараторил я как попугай

— Я же сказала: раздевайтесь и проходите на кухню. Вы вино куда несли? К экзамену готовиться? Да и у меня есть пара вопросов по итогам Вашего теста.

Меня не надо было долго уговаривать. Ну что же, в итоге зачётку я получил ближе к утру и сразу поехал на английский. Слава Богу, там я отделался пачкой бумаги! Сессия, такая сессия Но радоваться было рано.

Как я ни старался, мои труды не привели к желанному результату. На сессию я вовремя не вышел. Мне казалось, что есть шанс сдать отработки на новогодних каникулах, поэтому домой я не поехал. Мама очень расстроилась. Дома первый раз праздновали семейный праздник без меня. Не могу вспомнить, где я отмечал его. Наверное, в общаге. И, наверное, даже было весело — но память почему-то не сохранила этих событий. Выход на сессию давался крайне тяжело. Логично, что почти никто из преподавателей в новогодние праздники не планировал сидеть с нами, прогульщиками, и принимать отработки. Чем ближе были сроки первого экзамена, тем тяжелее доставались зачёты. За время учёбы на каждом курсе формируется стабильный контингент тех, кто по разным причинам не успевает к сессии. Сколачивается неформальная «группа продлённого семестра» — мы ходим на отработки, словно на пары, сдаём тесты, обсуждаем учебный процесс. Состав, конечно, меняется: кто-то наконец получает заветную печать с допуском, кто-то зависает на одном предмете, но в глухую. За себя могу сказать: я всегда состоял в костяке этих групп, прилежно посещал все собрания отработчиков. Со временем я настолько привык, что даже сменил стиль получения знаний, мобилизуясь только в последний месяц-полтора. Это было вполне безопасно (чтобы не влипнуть так, как я влипну позже, на втором курсе), и в то же время позволяло комфортно проводить время в начале семестра. Хотя шанс попасть к кому-то в немилость за пару пропусков всегда существовал.

На сессию я всё же вышел. Вспоминая сейчас первые экзамены в университете, картинки всплывают, словно слайды, на которые я смотрю сквозь мутное жёлтое окно прокуренного тамбура поезда. Ходил я на них не со своей группой, что-то сдавал — оценки ставились авансом. Мол, всё спросим в следующем семестре. Будь готов!

Глава 9

Смерть, наверное, самое лучшее изобретение Жизни. Она — причина перемен. Она очищает старое, чтобы открыть дорогу новому.

Стив Джобс.

На дворе был февраль — начало марта. Первые дни после окончания экзаменов. Морально после сессии я был истощён и подавлен. Мой день рождения прошёл. Было очень трогательно получить от бабушки и мамы телеграммы с поздравлениями. Отметил я его, как и Новый год, незаметно. Город был таким же хмурым. Первое солнце пробивалось сквозь тучи и, будто прихваченное морозом, лежало на сером снегу розовыми осколками.

Меня угнетал тот факт, что я предаю свою мечту. С седьмого класса я мечтал быть врачом. Стоять у операционного стола или мчаться на карете скорой помощи — цель я видел чётко и ясно. Но с её реализацией возникли проблемы. И тогда мне казалось: может, выбор мой ошибочный? Может, вовсе не я в своих мечтах спасал жизни и летел по ночному городу с включёнными мигалками? Обещание себе хорошо учиться, данное месяц назад, я, конечно, не сдержал. Да и вообще всё было иллюзорным, химически активированным. Словно меня посадили в аквариум с декорациями.

Прошёл месяц. Сидя как-то вечером дома, мы с Васей проводили спокойный вечер. Хозяин квартиры, Владимир Маркович, играл с нами в шахматы. Потом его стал донимать

кашель. Ничего такого больше не беспокоило. Ну, простыл человек — с кем не бывает. Мы с Васей остались в комнате, а он пошёл полежать.

Через время приехала скорая. Спустя ещё какое-то время нас попросили сходить за кислородным баллоном в машину. Придя с ним в комнату, мы увидели Владимира Марковича, сидящего в кресле. На лице — маска, заплёванная пенистой розовой мокротой. Он был в испарине и тяжело дышал. Мы с Васей вышли в подъезд покурить.

Когда вернулись — он умер. Врач скорой, одеваясь в коридоре, как-то долго не мог справиться с шапкой и курткой и, зная, что мы студенты университета, объяснял: такой молниеносный отёк лёгких он видит впервые. Мы с Васей молча оделись, вышли на улицу. Так же молча, не сговариваясь, пошли в магазин, взяли докторской колбасы, бутылку водки и выпили на улице. Дома завесили окна и зеркала, пахло корвалолом и тишиной.

На следующий день я купил билеты домой. Приехав в Североморск, хорошо провёл время, отдохнул, набрался сил за неделю. Увиделся с кем-то из друзей и, как обычно, вывез кучу банок с закатанными грибами, вареньем и соленьями.

Вернулся я 15 марта. Поезд прибывал в 23 ночи. Меня встретил Васька, мы зашли в магазин и пошли домой обмывать встречу. Ну и как обычно захотелось продолжения, танцев и песен. Решили направиться в клуб «Пеликан» — элитное место для всяких модных тусовщиков города. Я таковым никогда не был, но место на тот момент было действительно хорошим, и музыка там играла качественная. Приехал туда и на удивление быстро познакомился с какой-то барышней. После нескольких коктейлей она предложила поехать к ней в гости. Ну, конечно же, я оценил приглашение и не смог отказаться. Вот незадача только: я где-то посеял номерок от куртки, и наглая гардеробщица ни в какую не отдавала одежду. Девушка скучала и ждала, ждал таксист на стоянке, ждал и я. В итоге провозился я около сорока минут.

Мы поехали по ночному городу. Нас по пустой дороге обогнали пара машин скорой и пожарных, мы повернули на улицу Космонавтов вслед за ними. Подъезжая к её дому, движение всё более затруднялось. Дорога была перекрыта. Мы вышли из машины. Всюду горели фонари, стоял шум работающей строительной техники, в воздухе висел запах гари, в лучах прожекторов клубилась пыль. Довершали картину вспышки проблесковых маячков спецтехники. Они вселяли какой-то первобытный страх и ощущение несчастья.

Мы приехали на место взрыва дома по улице Космонавтов спустя примерно сорок минут. Девушка жила в этом доме, но её подъезд не пострадал. Не исключено, что мы могли проходить мимо этого парадного в момент взрыва.

Позволю себе процитировать маленькую вырезку из новостной ленты того времени:

«Взрыв жилого дома в Городе по адресу проспект Советских Космонавтов, 120 произошёл 16 марта 2004 года в 3.03 по московскому времени. В результате взрыва обрушился 5-й подъезд девятиэтажного жилого дома. 58 человек погибло, из них 33 женщины, 16 мужчин и 9 детей, 170 человек были признаны пострадавшими. 25 ноября 2005 года бывший слесарь городской газовой службы 27-летний Сергей Алексейчик был признан областным судом виновным в преступлении по части 1 статьи 205 — терроризм, пунктам а, е ч. 2 ст. 105 — убийство двух или более лиц, совершенное общеопасным способом, ч. 2 ст. 167 — умышленное уничтожение или повреждение имущества путём взрыва Уголовного кодекса РФ. Он был приговорён к 25 годам лишения свободы с отбыванием наказания в исправительной колонии строгого режима. 24 января 2007 года данное решение было подтверждено Верховным судом. По официальной версии Алексейчик, находясь в нетрезвом состоянии, в отместку за увольнение с работы вскрыл системы газоснабжения в трёх жилых домах центра Городьска. В панельном девятиэтажном доме на проспекте Советских Космонавтов это привело к взрыву и полному обрушению крайнего пятого подъезда».

Событие для нашего города невероятное по трагизму и неординарности. Сейчас люди насыщены новостями — после событий на Украине с 2014 года и по настоящее время кадры

терактов и взрывов уже никого так не цепляют. Тогда же слово «теракт» казалось далёким. Что происходит может в Америке, на Каширском шоссе. Но не в Городе! Я помню хмурые лица горожан, которые ехали в автобусах. Да и сам город в последующие дни словно съёжился и стал похож на сутулого старика

И всё же сквозь серую зыбь робко пыталось пробиться мартовское солнце, напоминая: жизнь прекращается лишь для того, чтобы бесконечно начинаться снова.

Глава 10

«Бывает, что-то не клеится, плохо выходит, и в то же время чувствуешь что-то хорошее. Вспомнишь о хорошем и поймешь: это весна»

М.М.Пришвин

Постепенно закончилась зима. Студенческая жизнь стала более размеренной. Как ни крути, после первой сессии не хотелось снова так попадать. Отработки, конечно, копились, как и в прошлый раз, но их количество было на порядок меньше. Наша группа по-прежнему собиралась на квартирных посиделках, и надо сказать, что накал их нарастал, как и продолжительность. Потом, ближе к окончанию вуза, я понял: похожие встречи происходят в каждой группе — разнится только состав.

Я родился на юге, а вырос на севере. Потому, наверное, меня до сих пор так накрывает: когда на улице холод и ненастье — даже если я на работе, меня клонит в сон, когда за окном солнце — я полон сил. Первая весна в Городе меня восхитила и огорошила одновременно. Из-под снега и грязи появляются проплешины сухого асфальта. Почему-то они сразу напоминают мне о шуршании шин велосипедного колеса, звонкие удары мяча во время игры в «Квадрат». По этим весенним островкам ходят важные голуби и прыгают смешные воробьи.

Поморская весна не может похвастаться богатством красок и ароматов, как её южная родственница. Но сколько напора и решимости в утреннем, ещё прохладном воздухе, который пахнет влажной землёй! И какая уверенность сквозит в первой зелёной траве на фоне лазури неба! Весна в Североморске всегда проходила как-то среди слегка подтаявшего снега. Он мог лежать и до июня. Или просто выпасть в июле.

В Городе же есть своя весенняя особенность. Конечно же, это ледоход. Вся область — территория рек и озёр. Издавна люди селились в их руслах. Зимой передвигались по замёрзшим рекам, по так называемым «зимникам» — дорогам по льду. Прочность ледового покрытия была такова, что ещё до революции через Северную Двину между центром города и другим берегом ходил маршрутный трамвай. Летом открывается навигация. А предшествует ей вскрытие рек из-под льда и его массовое движение по течению к морю. Прохождение ледяных массивов сопровождается их активным таянием и резким перепадом температур у поверхности реки и выше нагретого воздуха. В конечном счёте это вызывает формирование циклонических масс. Это если научно. А по-простому — во время ледохода на несколько дней наступает лютый холод. Может идти дождь, град, снег. Такой зимний флешбек.

Было здорово идти после учёбы на набережную и смотреть, как несутся льдины по реке, а над ними кружат чайки. Что они на них ищут — непонятно. Но зрелище незабываемое. Много позже я узнал, что в глухих деревнях на реках ледоход приравнен к местному празднику, его отмечают почти как проводы зимы. Пару раз я принимал в таких мероприятиях участие. Было весело, но об этом — в другой книге.

Помню, в далёком детстве у меня была книжка «Праздник непослушания» — с очень яркими и красочными иллюстрациями. Её отдала нам какая-то добрая тётя в изрядно побитом виде. Я читал не книжку, а отдельные страницы, хаотично разложенные в мягкой обложке. Идея проста: дети стали командовать взрослыми, и воцарилась анархия. На мой взгляд, воцарился бы террор или диктатура, потому что дети так же жестоки, как и склонны к подчине-

нию, — а это хорошая почва для взращивания таких режимов. Но что-то я отвлекся. Итак, на последних страницах был изображён весенний Город. Я не знал в далёком детстве, что так бывает. Невероятное количество бумажек, окурков, пивных бутылок, собачьих и человеческих экскрементов. Всё это пребывало на улицах вплоть до появления уверенных травяных покровов. Я пишу об этом спустя более пятнадцати лет. Мне отраднo, что ситуация несколько изменилась — и в стране, и в Городе. Но на тот период всё выглядело именно так. Я, приехавший из закрытого города, не понимал, как можно бросить на землю окурков, пивную бутылку, пачку от чипсов.

Но не всё в весне было поэзией. Она отнимала время от учёбы. Помимо хорошей погоды, к концу первого курса, словно рудимент, начинает отпадать страх перед сессией. Появляется вредная эйфория: все отработки можно закрыть за неделю — причём непременно следующую. И их немного ведь совсем. Ну пять, может, пятнадцать, не более тридцати пяти в общем.

Больше всего в этом семестре проблем было с физикой. Я дал себе слово не пропускать пары и честно пришёл на первый в семестре урок. Физика была после лекции и заканчивалась аж в 18.20. Ужасно тоскливый предмет, с преподавательницей, у которой уже отпускал климакс, а эстафету принимало возрастное слабоумие. Ну что сказать — всех нас это когда-то ожидает Природа, физиология, геронтология, одним словом — физика.

Сложно сказать, почему я пропустил одну из пар. Наверное, были безусловно веские причины. Но к моему великому удивлению, на следующую меня просто не пустили. «Без справки из деканата не пуцу!!!» — и закрыла дверь.

С этими справками была сушая беда. Система регистрации прогулов — абсолютно неуместная и порочная. Любое пропущенное занятие полагалось подтверждать справкой из деканата. Неважно по какой причине: болел или просто не смог появиться — путь один. В деканате, в зависимости от объективности причины и наличия уважительных документов, давали либо уважительную отметку (её редко приходилось отрабатывать), либо неуважительную — а это значило, что занятие нужно отработать. Кроме того, у каждого преподавателя был журнал, где фиксировали посещаемость. А вот специально ехать в университет в часы приёма деканата, чтобы объяснять преподавателю законность своей отработки — этого я не понимал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.